

Пролог

В аудиторию входят дети и рассаживаются по местам. Последней появляется наголо остриженная девочка. Она молча садится за парту, достает из кармана чип-матрешку, и перед ней возникает мерцающий экран.

Никто не обращает на нее внимания.

Дети обсуждают домашнее задание. Говорят они по очереди, будто участники дебатов. Девочка о чем-то сосредоточенно думает.

— Ты готова, Эсв? — спрашивает ее мальчик.

Она довольно кивает.

В этот момент в аудиторию заходит высокая женщина с темно-синей кожей.

— Начинается урок, — говорит она.

Повисает тишина.

— Включите чипы.

На своих экранах дети видят лаборанта, одетого в белоснежную форму.

— Знаменитый эксперимент Кэлха, — объявляет женщина. — Запись старая, но прекрасно отражает принципы тиражирования.

Все слушают, затаив дыхание.

— Итак, — продолжает она, — этап первый.

Дети наблюдают, как лаборант, натянув перчатки, демонстрирует квадратное стекло размером с ладонь.

— Питательная среда, — комментирует женщина.

Затем мужчина кладет стекло в инкубатор и шприц, встроенный в крышку устройства, выдавливает на середину пластинки мутную каплю.

— Колония бактерии Т.

Инкубатор закрывают. Вспыхивает таймер, и запись ускоряется. Капля, содержащая бактерии, разрастается по всей пластинке и на отметке «5 часов 6 минут» застывает, уродливо чернея.

— Вы видите время жизни колонии. Всем понятно?

Дети кивают.

— Теперь этап второй.

В инкубатор кладут десять пластинок. Фиксируя происходящее, над ними порхают миниатюрные пчелы-дроны.

— Колонии одинаковы, — подчеркивает женщина. — В начальный момент они находятся в равных условиях.

Включается таймер, и колонии бактерий медленно, будто кляксы, расплываются по стеклам и наконец умирают в случайном порядке.

— Минимальное время жизни колонии — «3 часа 17 минут», максимальное — «7 часов 49 минут».

Дети переглядываются.

— А теперь, — продолжает женщина, — этап третий. В нем и состоит суть эксперимента Кэлха.

Перед детьми появляется огромное здание-инкубатор.

— Здесь ровно миллион пластинок, — говорит женщина. Ее кожа переливается синим матовым блеском. — Какая колония выйдет победителем в этой гонке?

Эсв смотрит, не отрывая взгляда от экрана.

От напряжения она слегка потирает лоб.

В здании-инкубаторе рой пчел-дронов кружит над рядами пластинок.

Миллион шприцов одновременно касаются стекол, щелкает таймер, и начинается удивительное соревнование.

— Минимальное время — «23 минуты», — объявляет женщина. — Максимальное — «79 часов 8 минут».

Дети аплодируют.

— *Результат потрясает.*

Но никто не выглядит пораженным.

Эсв радостно хлопает в ладоши.

— *Если все ясно, — говорит женщина, — приступим к проверке домашнего задания.*

Девочка широко улыбается — сверкают ее прозрачные, сделанные будто из стекла зубы.

Часть первая

ЭФФЕКТ ОБЕЗВОЖИВАНИЯ

|

Почему я здесь?

Нейт лежал на спине и медленно приходил в себя. Глаза пронзали иголки боли, в висках и затылке разлилась неприятная тяжесть. Тело горело, суставы ломило как после многочасовой работы.

Щурясь от света, он увидел, что вокруг зеленеет трава, а посреди ослепительно-голубого неба за ним наблюдало солнце.

Где я?

Мужчина со стоном приподнялся и замер в изумлении. В паре метров от него лежала худая темноволосая девочка. Она тоже заметила мужчину, угрюмого, похожего на растерянного варвара, и от испуга взвизгнула. Вскочив, она, пятясь, отползла на край поляны. Некоторое время они молча изучали друг друга.

— Кто вы? — робко спросила девочка.

Она настороженно глядела на него из-под шапки спутанных черных волос. Он нахмурил-

ся. В голове вертелись беспокойные мысли. Кто эта девочка? И почему он здесь? Он ничего не помнил — только вспыхнули и исчезли смутные воспоминания кабинета, улыбок и рукопожатий.

— Я очнулся минуту назад, — сказал он.

Откуда-то из леса едва доносилась музыка, будто далеко в чаще прятался оркестр.

— Где Клер? — спросила девочка.

В глазах ее блестели слезы.

— Какая Клер? — не понял он. — Пожалуй-ста, давай пока без вопросов.

Он огляделся.

Вокруг высились исполинские сосны с темно-оранжевыми стволами и темнела непроходимая чащоба из папоротников и кустарников, в которой редкими пятнами были разбросаны бело-желтые цветы. Справа вдали голубели очертания гор.

Мужчина не отводил взгляда от зарослей, щурясь, еще не привыкнув к блеску солнечного неба. Лес вокруг гудел, стрекотал, попискивал.

— Я ни в чем не виновата, — бормотала девочка. — Я шла домой... открыла какие-то двери, а дальше — темнота.

— У тебя есть что-нибудь в карманах? Может быть, телефон? Или...

— Нет, — заплакала она. — Я хочу домой.

И стала судорожно тереть руки.

— Какие же они грязные! — всхлипывала она. — Мыло... Мне нужно мыло!

Вырвав зеленый ползучий стебель, она пыталась втереть его в ладони.

— Успокойся, прошу тебя, — сказал мужчина. — Какое мыло... а эта дрянь может быть ядовитой.

Он держался за голову и покачивался вперед-назад, как маятник.

— Мне надо срочно помыться... — стенала девочка. — Я так не могу.

— Где твоя мать?

— Меня воспитывает тетка.

— Где же она?

— Я не знаю! — раздраженно ответила девочка.

Он на мгновение задумался.

— Нужно выйти из леса и найти людей.

Над ним бесшумно порхала крупная серая бабочка. Вдруг из зарослей, заглушая музыку, раздался рев, который вполне мог принадлежать крупному зверю.

Девочка испуганно завертела головой.

— Надо идти, — повторил мужчина.

Он подошел к ней и, помогая подняться, сказал:

— Нейт.

— Я не понимаю вас, — она высвободила руку. — Как же здесь грязно... Мне нужно воды. И мыла.

— Нейт, меня зовут Нейт, — нетерпеливо повторил он. — Что тут непонятного.

— Сифинь, — прошептала она. — Я — Сифинь.

Они оба были одеты в черные хлопковые штаны и белые майки. Нейт сорвал с куста несколько огромных мясистых листьев, оставил себе один, а остальные протянул девочке.

— Оберни голову, — он указал на небо. — Солнце печет.

Она завернулась в них, как в полотенца. Листья упали. Тогда он помог закрепить их, связав в узелки волокна, выступающие из мякоти.

— Иди за мной.

— Откуда эта музыка? — спросила девочка.

— Там люди, — сказал он уверенно.

Нейт ориентировался на звуки мелодии, которая с каждым шагом звучала все громче и отчетливей.

Впереди стеной стояли деревья, оплетенные плющом, покрытые грибами и бурыми лишайниками. Под ними разрослись густые папоротники. Но вскоре сквозь заросли им открылся просвет — синие проблески океана.

— Почти пришли, — выдохнул Нейт.

Берег был усыпан галькой и серым песком, местами грудились черные валуны базальта, облепленные высохшими коралловыми гроздьями.

Нейт вытер лицо.

Порыв ветра охладил его разгоряченное, потное тело. В горле нестерпимо жгло, а на зубах скрипел песок.

— Музыка идет от воды, — сказал Нейт, с тревогой оглядывая берег. — Но здесь... здесь никого нет.

— Ага, — еле слышно ответила Сифинь.

— Это означает, что где-то неподалеку плывет судно. — Он не нашел иного объяснения. — Звук хорошо движется над водой.

Он упал на колени, умыл лицо, прополоскал рот, но проглатывать воду не стал. Она приятно холодила нёбо, и потому пить захотелось еще сильнее.

Сифинь, не двигаясь, стояла позади него.

— Можно я попью? — спросила она.

— Нет, — ответил он.

— Почему?

— Вода соленая. Ее нельзя пить. Я лишь прополоскал рот.

Девочка нахмурилась.

— Думаю, нам лучше пойти вдоль берега, — предложил он. — Так мы выберемся к людям.

На него вдруг навалилась усталость.